

Александр Солженицын: ЛИТЕРАТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Синкл. С.П. 1994, 25 мая, - С. 5

ДНЕВНИК
ЛИТЕРАТОРА

27 мая должно произойти событие, которое, несомненно, войдет в историю: в нашу страну после двадцатилетнего вынужденного изгнания возвращается Александр Солженицын. Мы ждали этого давно — ждали и не верили, — и сейчас, когда возвращение, судя по всему, все-таки состоится, — произойдет это, может быть, и в полупевиной обстановке, но без той истинной — и объединяющей нацию — радости, которая, несомненно, вспыхнула бы в сердцах еще пару лет назад. Солженицын удобен: и правым, и левым; и власти, и оппозиции; и патриотам, и западникам; и литераторам, и политикам. Солженицын самостоятелен и своенравен — и приручить (а уж тем более подку-

пить) его не удастся никому. Солженицын амбициозен: и может быть, он сегодня единственный из русских людей на земле, кто и впрямь имеет право на самые непомерные притязания. Солженицын, незапятнан: и «пятнистым» современникам станет все же неловко хорохориться в его присутствии. Солженицын блестяще публицистичен: он умеет убивать словом (хотя кое-кто из «убитых» им до сих пор воображают себя его «оппонентами», столь неожиданным образом обретшими шанс на бессмертие).

Одним словом, складывается ситуация возвращения слона в посудную лавку, и расплодившиеся за годы его отсутствия лавочники могут утешать себя разве что тем, что посуда и без него побита (а будь она и цела — ее бы никто не брал, потому что на нее нечего класть).

В романе Владимира Войновича «Москва, 2042» загода — и в резко сатирической форме — описан гипотетический въезд Солженицына в Москву с последующим захватом власти в первопрестольной и со всеми вытекающими отсюда ужасными (не только для самого Войновича) последствиями. Возвращение Солженицына и впрямь имеет, наряду с литературным и нравственным, политический аспект. Но значение последнего будет, по моему, исчезающе и пренебрежимо мало. Сегодняшняя «драка под ковром», борьба элит, передел пирога власти и собственности — во всем этом Солженицыну просто не может найтись места даже как публицисту. То есть печатать его, конечно, будут (и если ему того захочется) по телевизору показывать тоже, но сильные мира сего научились пропускать любые — неудобные им — соображения мимо ушей. А Солженицын будет, повторяю, непредсказуем, и поэтому удобен, и уж поэтому удобен и тем, и другим, и третьим. Что же касается безумной — хотя уже не раз промелькнувшей в печати — идеи об избрании Солженицына в президенты страны, то при живом президенте такой разговор, как теперь принято выражаться, неуместен. Не забудем еще одного обстоятельства: наряду с обличением социализма в нашей стране (в теории и на практике), Солженицын не раз убийственно критиковал современный капитализм и западную форму демократии.

Иначе — и куда серьезней — обстоит дело с нравственными аспектами возвращения. Солженицын — по природе своего дара и по человеческому характеру — проповедник, миссионер, пророк, — а у нас есть кому проповедовать и кого обращать в истинную или хотя в

какую-ни даже не познание жизни, а уча-
Солженицын в тараканьих бегах имени Бу-
(кроме, ера, а теперь, кстати, в связи с но-
ценностею премией, — и в тараканьих бе-
всяком сах имени Собчака, которые обе-
архальнейшую статью подлинным украшением
писателя-перманентных Игр Доброй Воли.
ходчивей И вот возвращается сверхписатель.

Жем, у (пределение в данном случае не
ней от этмет оценочного характера. Сверх-

В возарисатель не потому, что гений (об-
сутствует том можно спорить), а потому что
аспект. Яоздает сверхлитературу — и ника-
каяния», ую другую. Ту самую сверхлитера-
скую муру, каковой традиционно счита-
знаменитась русская литература и в своих
ладзе и лучших образцах литература совет-
гим опракая. И выясняется, что сверхлите-
ного нратуры (другой) у нас нет не пото-
релятивизу, что она зловередна и злонаме-
грузин Абенна, как нам который год внуша-
ключевогого, а только потому, что нет друго-
его должно (во всяком случае, равного)
ление). сверхписателя.

вот и в У возарещения Солженицына есть
человека любопытный побочный литератур-
ся, опреий аспект. Или, если угодно, эф-
ний бесфект. Общеизвестно — и декларир-
с солидизовано самим писателем — его пре-
заслугамирение ко всяческому штукарист-
те: мол, у, условно говоря, постмодернист-
или все того свойства. (Хотя проициатель-
пода-товаре критики справедливо усматри-
знали! этот художественные приемы «ли-

Но Солратуры XX века» и в собственном
редь, пиорчестве писателя, но у него это
пекты егегда подчинено общему — сверх-
разрывно (тературному — замыслу). И впол-
ными) пре может быть, что выдохшиеся и
более вакуаутированные собственными со-
прежде еинекциями «недописатели» сейчас,
ратуре, ночуая опасность, поднимутся по
ветской лнету «девять» и стенкой встанут, и
кончившийхотят устроить сверхписателю
ным пригтемную. Это, повторяю, вполне
ма жалкоопустимо.

обем. РВажней, однако, другое: возвра-
лась разение сверхписателя автоматически
позорномфсстанавливает в правах — реали-
тура. Позитирует, здесь это слово уместно,
позт, по г поправную было сверхлитерату-
нынне Евту, то есть единственно значимую
ра, — поединственно великую русскую ли-
ники замературу: оно разоблачает невме-
ние подпиемость великого множества лука-
мессианских или легкомысленных речений,
мессией, вторых мы наслушались в послед-
стал социе годы. Возвращение Солжени-
его застерина — в литературном аспекте,
тура, утветя, пожалуй, и не только в нем,
инной: пи нижего не способно исцелить;
тель почино представляя собой не метод
не читая эчения, а диагноз. Поэтому, когда
ное дело.ы — не сомневаюсь, еще не раз
том же н услышим от писателя: «Одумай-
уже постель», надо будет задуматься даже
бождение: над тем, что он говорит это именно
лейшей эм, что он говорит это именно
(празда, эм, — надо будет задуматься над
взаимным) собственной — у кого случайной,
радио «Св кого хронической — неменяе-
ства «Перостью.

ля — не

Виктор ТОПОРОВ